

Не трогайте Россию, господа!

«Аз искам да вдигне тая чаша за моята втора майка-родина...» Эти слова я произносил десятки раз со своими болгарскими друзьями. В Болгарии, в Советском Союзе, потом в России... Перевод прост: «Я хочу поднять этот бокал за мою вторую родину-мать». Таковой я считал Болгарию. И считаю. От матерей не отказываются.

Двадцать пять лет назад (в нынешнем году – четверть века, – а значит, есть повод поднять ту самую «чашу») с Софийского железнодорожного вокзала я уезжал домой с дипломом кандидата наук в Курск, где ждала семья. Три года – за время учебы в аспирантуре Академии общественных наук и социального управления – моим местом жительства была комната в общежитии на окраине Софии. Недалеко – всего в нескольких километрах – располагалась резиденция Тодора Живкова, генерального секретаря ЦК БКП, чей кортеж, что проносился мимо, неоднократно провожал глазами... Кто бы мог знать, что однажды строительство социализма и коммунизма будет свернуто... Как спустя еще четверть века будет свернуто строительство «Южного потока»...

Кто не слышал прибаутку «Курица – не птица, Болгария – не заграница»? Мне всегда она казалась обидной для болгар, да и для нас, кого они ласково называли «братушками», претило сравнение ее с шестнадцатой республикой Страны Советов. Близость наших народов была столь велика и, как нам казалось, надежно спаяна годами невзгод. Вспомните только несколько вех – освобождение страны от турецкого ига (полтысячелетия под гнетом Османской империи), – в благодарность в самом центре Софии – памятник царю-освободителю, улицы названы в честь графа Игнатьева и генерала Скобелева... Памятник «Алеша» в Пловдиве был установлен после освобождения страны от фашистов. («Стоит над горою Алеша»). Знаете, небольшому народу с трагической судьбой обязательно нужно было, чтобы рядом ощущалось плечо друга, на которое можно положиться, опереться в трудную минуту, рассчитывать на поддержку. Такими были мы, русские, для братьев-славян. Гостеприимство болгар – это легенда. Аспиранты, с которыми мы жили бок о бок, искренне зазывали в гости в свои города и селения и просили, чтобы обязательно в их домах говорили по-русски. В те, доперестроечные годы русский язык учили во всех школах республики, болгары с удовольствием смотрели наши телевизионные передачи. Вспомните ТВ времен

перестройки, журнал «Огонек»! Общая для нас кириллица позволяла забивать под завязку книжные магазины литературой на русском языке. И поход наших туристов в «книжарницы» можно было сравнивать с экскурсией в алмазный фонд. При том дефиците и при той тяге к книге, что царили в Советском Союзе, наши земляки увозили из Болгарии книги чемоданами!

Три года, что провел в Болгарии, позволили мне объездить всю страну. И полюбить ее всей душой. Мою другу Живко Ангелову, провожавшему на вокзале, обещал приехать через год. А куда же еще возвращаться, как не в страну, ставшую второй родиной? Только возвращение затянулось... на целое десятилетие. Но это уже были двухтысячные годы, и это была уже другая Болгария. С пустующим мавзолеем Георгия Димитрова. С разбросанными повсюду торговыми прилавками со всякими безделушками. И на россиян здесь уже смотрели по-другому, с завистью, искренне выражая свои чувства: вы, русские, богатые! Это сегодня я понимаю, что для них понятие богатства были не дома, в которых мы живем. Они умели строить, строили лучше нас, да и жили богаче: Советский Союз не скупился на помощь для братьев. Перестройка, постепенно перекрывавшая краны «халяве», расставляла все точки над i. Русские для них были богаты нефтью, газом, недрами...

Мне ли одному казалось, что болгарский народ, благодарный нам за свободу, что не раз приносили наши предки на их землю, будет рядом всегда? Потому не переставал удивляться тому, что происходило в последующие годы: в стране отказывались от изучения русского языка в школах, переписывалась история. Болгария, вступившая в НАТО и широко шагавшая в Евросоюз, спешила отмежеваться от России, всячески доказать миру, что она не является ее партнером.

В стране сменяли друг друга правительства разной степени прозападности. Потому российским энергетическим проектам постоянно вставлялись палки в колеса: остановлено строительство атомной электростанции «Бе-